

Л.И. Кондрашова, И.Г. Чубаров

Резолюция ЦК КПК по истории партии и политэкономические координаты развития КНР

Аннотация: В преддверии XX-го съезда ЦК КПК принял «Резолюцию об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии». В ней подведены итоги деятельности китайских коммунистов за 100 лет и даны оценки основным событиям и персоналиям этого периода. Несмотря на название, историческому обзору уделено менее половины всего текста «Резолюции», а оставшаяся часть носит проблемный характер и содержит изложение основных тезисов стратегии общественного развития Китая до 2050 года. В статье с опорой на положения «Резолюции» приведены авторские политэкономические оценки пройденного КНР пути, включая сопоставление с советским опытом построения социализма, а также характеристика предпосылок и содержания неосоциалистического поворота, осуществляемого Си Цзиньпином после прихода к власти.

Ключевые слова: Китай, КПК, социализм, СССР.

Авторы: Кондрашова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН; Чубаров Илья Георгиевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID ID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Л.И.孔德拉绍娃, I.G.丘巴罗夫

中共中央关于党的历史和中国发展之政治经济发展坐标的决议

摘要: 中共二十大前夕, 中共中央通过了《关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议》。它总结了中国共产党人一百年来活动, 评价了这一时期的主要事件和人物。尽管标题如此, 《决议》全文只有不到一半的内容是历史回顾, 剩下的部分具有课题性质, 是对到 2050 年中国社会发展战略主要提纲的叙述。本文根据《决议》的论点, 对中华人民共和国所走过的道路进行了政治经济评价, 包括与苏联建设社会主义经验的比较, 以及对习近平上台后实行新社会主义转向的前提和内容进行评述。

关键词: 中国; 中国共产党; 社会主义; 苏联。

作者: 柳德米拉·伊万诺夫娜·孔德拉绍娃, 经济学科学博士, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所主任研究员; 伊利亚·格奥尔基耶维奇·丘巴罗夫, 地理学副博士, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所高级研究员。ORCID ID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Liudmila I. Kondrashova, Ilya G. Chubarov

CPC Central Committee Resolution on party history and political-economic coordinates of China development

Abstract: On the eve of the 20th Congress (autumn 2022), the CPC Central Committee adopted a “Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century”. The “Resolution” summarizes the activities of the Chinese Communists over 100 years and assesses the main events and personalities of the period. Despite the “historical” title, only less than half of the entire text reviews the past, and the remainder focuses on the main elements of China's social development strategy until 2050. The article is based on the provisions of the “Resolution” and contains the author's political economy assessments of PRC developmental path, including in comparison with the Soviet experience of building socialism. It also discusses prerequisites and main ideas behind the Xi Jinping's neo-socialist turn after coming to power.

Keywords: China, CPC, socialism, USSR.

Authors: ***Kondrashova Liudmila I.***, Doctor of Science (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; ***Chubarov Ilya G.***, Candidate of Science (Human Geography), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Состоявшийся в ноябре 2021 г. 6-й пленум ЦК КПК XIX-го созыва был посвящен 100-летней годовщине Коммунистической партии Китая и рассмотрению основных событий ее истории. В ходе заседания была обсуждена и принята «Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» (далее по тексту – «Резолюция») – третий по счету идейно-политический документ высшего уровня, подводящий итоги деятельности китайских коммунистов (два других были приняты в 1945 и 1981 гг.).

«Резолюция» широко освещалась и анализировалась в международном научном и экспертном сообществе. Важно, что документ предварял XX съезд КПК осенью 2022 г., на котором было принято решение о руководстве страны на следующей пятилетний период. Безусловно, правы те, кто оценивает итоговые формулировки как свидетельство укрепления стабильности действующей политической системы и личной власти Си Цзиньпина, авторитет которого уже сравним с авторитетом Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина [Денисов, Зуенко, 2022].

Текст «Резолюции», по большому счету, можно разделить на две части – собственно историческую и идейно-политическую. Первая написана в хронологическом ключе и посвящена столетней истории КПК, начиная от первых китайских марксистов до 40-летнего юбилея политики реформ и открытости в 2019 г. Вторая часть озаглавлена «Открытие новой эпохи социализма с китайской спецификой» и написана

в проблемном формате. В ней, отталкиваясь от достижений в различных сферах, комплексно раскрыто основное содержание того социально-экономического и политико-управленческого курса, который Си Цзиньпин начал проводить после прихода к власти. Такая структура соответствует структуре первой «исторической» резолюции, значительную часть которой также занимала не история, а идейно-политические установки.

В первую очередь зарубежного читателя впечатляет общий хвалебный тон «Резолюции». Такое самовосхваление, заметно отличается от принятого до сих пор стиля деловой скромности, однако выглядит вполне резонным. Действительно, трудно не согласиться с тем, что за сто лет деятельности компартии *«Китай совершил переход от раздробленности и разобщения к высокой степени национального единства и стабильности, от крайней бедности, слабости и отсталости к полному достижению средней зажиточности, процветания и могущества, от пассивности и забитости притесненного населения к независимости государства, его полной самостоятельности и суверенитету, уверенности в своих силах»*. КПК увеличила число своих членов с нескольких десятков до почти 100 млн, преодолела массу трудностей и превратила полуколониальную, полуфеодальную страну в великую державу с мощнейшей многоотраслевой экономикой. В «Резолюции» указано на два чуда, продемонстрированных Китаем: динамичное экономическое развитие и длительная социальная стабильность. Но не меньшим чудом, конечно, явилась также упомянутая *«китайская модель модернизации, создание новой формы человеческой цивилизации, которая открыла развивающимся странам новые пути модернизации»*.

В данной статье предпринята попытка провести анализ содержания документа со сравнительных политэкономических позиций, хотя бы в первом приближении. В открывающем разделе статьи рассматривается периодизация истории КНР в «Резолюции» и специфика различных этапов. Учитывая тесную генетическую связь китайского социализма с советским, второй раздел посвящен сопоставлению китайских реалий с модификациями советской модели социализма на разных ее этапах. В третьем разделе представлен анализ указанных в «Резолюции» направлений совершенствования социалистического строя с китайской спецификой и будущего китайских реформ.

Оценки пройденного пути и отдельных этапов

Общепризнанно, что весь столетний период жизнедеятельности КПК четко разбивается на четыре крупных этапа:

- 1) этап освободительной борьбы и подготовки социальной революции (1921–1949);
- 2) этап перехода от новодемократической революции к социалистической революции и социалистическому строительству (1949–1978);
- 3) этап рыночных реформ под девизом социализма с китайской спецификой (1978–2013);
- 4) современный этап под руководством Си Цзиньпина, выдвинувшего лозунг «социализма с китайской спецификой в новую эпоху».

Созданную по свежим следам Октябрьской революции Компартию Китая отделяет от даты ее прихода к власти четверть века. За эти годы страна пережила революцию 1925–1927 гг., долгую войну с японскими захватчиками, сложные отношения союза и противоборства КПК с учрежденной лидером революционного движения Сунь Ятсеном партией Гоминьдан. Задачи борьбы с империализмом, феодальными пережитками и бюрократическим капитализмом временно оттеснили классовые противоречия на второй план.

К победе новодемократической революции 1949 г. партия располагала достаточно продуманной программой строительства нового общества при широком союзе всех основных классов и первостепенной важности буржуазно-демократических преобразований. Как следует из решений VII съезда КПК в апреле-июне 1945 г., на смену диктатуре Гоминьдана в результате революционной борьбы должно было прийти общество нового типа, по своим основным параметрам не выходящее за рамки установок трех народных принципов Сунь Ятсена. «Мероприятия этой революции, – говорил в то время Мао Цзэдун, – направлены в общем не на отмену частной собственности, а на ее охрану. В результате этой революции рабочий класс получит возможность, накопив силы, направить Китай на путь социалистического развития; однако в течение относительно длительного периода все же будет в надлежащей мере развиваться и капитализм» [Мао Цзэдун, 1969, с. 318].

Программа новодемократической революции (программа Народного политического консультативного совета, 1949), действовавшая в годы восстановления народного хозяйства (1949–1952) содержала положение о немедленной конфискации собственности компрадорской буржуазии и одновременно о защите частной собственности и крестьянства и национальной буржуазии наряду с укреплением основ государственной и кооперативной собственности. Предполагались развитие свободной конкуренции и свободной торговли, передача земли крестьянам, а ключевых отраслей народного хозяйства (банки, железные дороги, воздушное сообщение и т.п.) – государству, ограничение крупного китайского и иностранного капитала.

В середине 1953 г., когда в основном закончилось проведение аграрной реформы и приступили к выполнению первого пятилетнего плана, было объявлено о решении задач, поставленных новодемократической революцией. А в конце 1953 г. официально принята «генеральная линия переходного периода», наметившая курс на постепенное осуществление индустриализации и поэтапные социалистические преобразования сельского хозяйства, капиталистической и кустарной промышленности и торговли.

Поставленная «генеральной линией переходного периода» и подтвержденная принятой в 1954 г. Конституцией задача постепенного осуществления социалистических преобразований была нарушена уже через год. В течение 1955–1956 гг. все частные капиталистические предприятия были реорганизованы в государственно-частные, индивидуальные кустари и торговцы объединены в кооперативы, в сельском хозяйстве проведена коллективизация. Уничтожение частной собственности дало основание заявить на VIII съезде КПК (1956) о полной победе социализма и преодолении противоречия между рабочим классом и буржуазией.

Такое кампанейское завершение переходного периода создало колоссальный разрыв между формальным и реальным обобществлением производительных сил и открыло дорогу разного рода утопическим и авантюристическим проектам. Состоявшаяся в мае 1958 г. на волне левого уклона вторая сессия VIII съезда КПК объявила о начале Большого скачка. Эта идея принадлежала самому Мао Цзэду и предусматривала мобилизацию всех ресурсов ради резкого ускорения темпов экономического роста, широкое использование мелкого производства, милитаризацию страны под лозунгом подготовки к войне. Согласно пересмотренным планам, Китай должен был в максимально сжатые сроки добиться полного обобществления производительных сил и перейти к коммунистическим методам распределения. Это подразумевало организацию «народных коммун» вместо волостей, попытки уничтожения разницы между городом и деревней, введение бесплатного питания, ликвидация материального стимулирования к труду.

Однако пренебрежение правилами управления экономикой, нуждами народа, зажим творческой инициативы, внешнеэкономическая изоляция тормозили развитие и вели к социальной деградации. Угроза хозяйственной анархии, оскудение государственного бюджета, падение жизненного уровня и разраставшийся голод вынудили руководство страны свернуть начатые эксперименты и в 1960–1965 гг. вернуться к строго централизованным методам управления. Попытки преодолеть кризисные явления с помощью методов хозяйствования первой пятилетки, направленных на развитие разделения труда и товарно-денежных отношений принесли свой краткосрочный эффект, но вскоре сменились еще более разрушительной кампанией Культурной революции.

Все эти сложные перипетии периода 1949–1979 гг. в «Резолюции» включены в рамки построения централизованной плановой системы с господством общественной собственности на средства производства. Поскольку за преобразованиями промышленности, сельского хозяйства и торговли в 1956 г. сохраняется название «социалистических», получается, что дореформенный этап следует отнести к начальной стадии социализма. Тем самым сглаживаются различия между первой пятилеткой, периодами «урегулирования» и маоистскими экспериментами Большого скачка и Культурной революции. Ранее эти годы не раз называли «потерянным десятилетием». В «Резолюции» же они определены как *«теоретическая подготовка и подведение материальной базы для создания социализма с китайской спецификой»*. Действительно, несмотря на значительные перепады в темпах роста в эти годы было построено много крупных промышленных предприятий, и выросла численность рабочего класса. Но верно и то, что авантюрные массовые кампании серьезно затормозили развитие страны и обернулись большими бедствиями для населения.

Противоречивые результаты дореформенного периода привели авторов «Резолюции» к двойственной оценке деятельности Мао Цзэдуна. С одной стороны, говорится, что *«идеи Мао Цзэдуна как результат творческого применения и развития марксизма-ленинизма в Китае представляют собой правильные, подтвержденные практикой теоретические принципы и обобщение опыта китайской революции»*

и строительства, а также первый исторический скачок в китаизации марксизма». А уже в следующем абзаце отмечаются серьезные ошибки товарища Мао Цзэдуна в его концепции классовой борьбы в социалистическом обществе, которые партии не удалось преодолеть. К таким ошибкам отнесены Большой скачок, создание народных коммун, серьезные перегибы в борьбе против правых элементов. Ошибки Мао Цзэдуна *«принесли партии, государству и народу самые серьезные неудачи и потери со времени образования КНР. Это был трагический урок».*

Очевидно, что юбилейное назначение «Резолюции», нежелание нарушить атмосферу праздника сказались на полноте исторической аналитики. Оговоренное в начале текста намерение проанализировать как положительные, так и отрицательные моменты истории партии реализовано только частично. Не до конца понятен перечень имен упомянутых в Резолюции китайских деятелей: в него вошли все главы партийных «уклонов» (Чэнь Дусю, Ван Мин, Чжао Готао, Линь Бяо, Цзян Цин), но не нашлось места для известных каждому китайцу Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. О допущенных ошибках сказано весомо, но кратко, преимущественно в порядке своего рода неизбежных бедствий, которые партии удалось успешно преодолеть. Российского читателя разочаровывает отсутствие всякого упоминания роли СССР и Коминтерна в создании КПК и в ее приходе к власти. Фраза о том, что *«залты Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм»* осталась единственной в своем роде, а Советский Союз упоминается только раз, когда говорится о его распаде.

После смерти Мао Цзэдуна (1976) новое китайское руководство первым делом продемонстрировало свое неприятие леворадикализма, но одновременно оно отвернулось и от догматического (советского) социализма с его административно-командными методами управления, широким обобществлением производства и внешнеэкономической замкнутостью. Было решено идти другим путем, аккуратно наращивая уровень открытости и увеличивая роль рыночных факторов и материальных стимулов в ведении хозяйства. Новая стадия «китаизации марксизма» во многом возвращала к реалиям 1930–1940 гг. [Буров, 2019]. Встречающееся в китайской литературе обозначение начала реформ как второй революции (после революции 1949 г.) в «Резолюции» отсутствует, но особая значимость третьих пленумов XI и XVIII созыва и их сопоставление в материалах XIX съезда КПК (2019) позволяют провести такую аналогию (своего рода вторая и третья революции после 1949 г.).

Весь промежуток времени после 1978 г., относимый к периоду реформ и внешнеэкономической открытости, в «Резолюции» охарактеризован как «социализм с китайской спецификой». Китайские реформаторы с конца 70-х годов руководствовались прагматическим принципом использования всех доступных способов экономического роста и не побоялись вступить в глобальную экономику с подчас варварскими законами капитализма. Стабильная политическая и экономическая ситуация, наличие дешевой рабочей силы, широкое использование частной инициативы и привлечение иностранных инвестиций – все это позволило ускорить экономический рост и войти в число главных экономических держав мира.

После 30 лет успешных рыночных преобразований в обществе появились признаки недовольства ходом реформ. Поводом послужили снижение темпов экономического роста, трудности поддержания объемов внешнеэкономических операций, социальные издержки в виде сохранения безработицы и бедности, размах коррупции в госаппарате. Становилось ясно, что прежняя модель экстенсивного роста и опоры на экспорт себя исчерпала. К тому же либеральная общественная атмосфера с присущей ей погоней за прибылью вкупе с вынужденной политикой сокращения рождаемости подорвали авторитет семьи и традиционные ценности коллективизма и солидарности. Рост имущественной и региональной дифференциации способствовал расширению масштабов внутренней миграции до огромных размеров, что существенно затруднило здоровый ход урбанизации.

После прихода к власти Си Цзиньпина к периоду социализма с китайской спецификой стала добавляться оговорка о «новой эпохе». Причины произошедшей на XVIII съезде КПК в 2012 г. смены курса не получили в «Резолюции» детального рассмотрения. Однако о многом говорит констатация того, что *«немало глубинных противоречий и проблем не были решены в течение долгого времени... в управлении партией наблюдалась нестрогость, распущенность и слабость»*. Серьезный подтекст заключен в одном из абзацев «Резолюции», который касается *«периода структурного регулирования и ликвидации последствий принятых ранее стимулирующих установок»*.

Сравнительный политэкономический анализ развития КНР и СССР

Как известно, в практике Советского Союза имело место использование трех моделей социализма: «военный коммунизм» и политика НЭПа как две разновидности раннего или первичного социализма и государственный социализм, называемый также командно-административной системой. С приходом к власти И.В. Сталина и разработкой теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране господствующими стали установки мобилизационной политики, делавшей акцент на форсированную индустриализацию и максимально полное огосударствление производства. Ограниченность и дезавуирование рыночных отношений объяснялись не объективными условиями высокой стадии развития производительных сил, а плохой совместимостью рынка с ускоренной индустриализацией и предвоенной ситуацией в мире.

Восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны происходило по тем же мобилизационным установкам сталинской модели государственного социализма. В дальнейшем, по мере роста уровня жизни городских служащих и интеллигенции, советского «среднего класса», постепенно нарастала потребность в хозяйственной реформе с подключением рыночных механизмов. Однако идеологический догматизм не позволил руководству провести назревшие преобразования и отнестись с пониманием к «ревизионистским» устремлениям в других социалистических странах. В официальной советской пропаганде разговоры западных интеллек-

туалов о возможной конвергенции двух мировых систем считались опасной идеологической крамолой, противоречащей взглядам классиков марксизма. В период Холодной войны слияние противоборствующих мировых систем и представление о будущем унифицированном устройстве планетарного сообщества явно не вписывались в установленную идеологию принципиальной несовместимости социализма и капитализма.

Советский социализм имел большие успехи в промышленном развитии, а также в сферах образования и здравоохранения, но все же был далек от идеалов коммунизма. Существование денег, цен, наемного труда и заработной платы оставляли советский социализм вместе с капитализмом в рамках монетарной системы. Тем не менее построенное общество имело принципиальные отличия от капитализма в виде ущербности частной собственности по сравнению с государственной и слабости стоимостных рычагов регулирования по сравнению с планово-административными. Построенный в СССР в 1960–1970 гг. «реальный социализм» продолжал рассматриваться как общество, целенаправленное на преодоление рыночной цивилизации и отторгающее рыночное реформирование. И рыночный, и конвергентный социализм оставались в СССР на положении чисто умозрительных конструкций, за которыми иногда не без основания угадывались планы западных стратегов покончить с социализмом, оставаясь при этом «в белых перчатках».

Возвращаясь к Китаю, нельзя не отметить, что первые 30 лет существования КНР фактически вместили в себя все три варианта советского социализма, но в китайской редакции и в несколько иной последовательности.

«Новую демократию» периода восстановления народного хозяйства (до 1953 г.) можно считать попыткой создания смешанной экономики при обращении к рыночным методам хозяйствования в условиях концентрации политической и экономической власти в руках государства, придерживавшегося некапиталистического пути развития. мелкобуржуазная ориентация «новой демократии» явно противоречила яньаньской идеологии казарменно-аскетического коммунизма, но соответствовала позиции Коминтерна в отношении слаборазвитых стран и взглядам Сталина, который при встрече с Мао Цзэдуном советовал ему не национализировать иностранные предприятия и считаться с национальной буржуазией.

Переключка между китайской «новой демократией» и ленинской новой экономической политикой прослеживается в отношении к частной собственности и рынку, а также в акцентировании роли крестьянства в качестве ведущей силы народовластия. Вместе с тем между ними существует целый ряд отличий, связанных с особыми цивилизационными и временными условиями. В случае Китая это еще более низкий уровень развития производительных сил, более слабое участие пролетариата во власти, но и более благоприятные внешнеполитические условия в виде наличия материальной помощи и международной поддержки Советского Союза и других стран социалистического блока. Если российский НЭП был чистым пионерным и самостоятельным экспериментом, то китайская «новая демократия» – это продолжение идеологии китайского революционного авангарда при широком использовании советского опыта и рекомендаций Коминтерна. Высокую оценку этой политики пришлось

ждать до 1981 г., когда в «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» она заслужила признание «исторического вклада в марксизм».

С провозглашением в 1953 г. «генеральной линии переходного периода» в стратегии Китая был сделан резкий поворот влево в сторону советской модели централизованной плановой экономики («государственный социализм»). Развернувшееся экономическое строительство проходило при тесном союзе с СССР и участии советских специалистов, знакомивших китайцев с советскими методами хозяйствования.

Однако братская дружба СССР и КНР продлилась всего до конца первой пятилетки. Ее успех вдохновил Мао Цзэдуна на осуществление его заветных планов построения нового общества коммунистического типа, а также укрепил самостоятельные политические претензии на международной арене. Большой скачок (1958–1962) и Культурная революция (1966–1970) являются китайским изданием «военного коммунизма», когда партия подверглась серьезным испытаниям. Ее леворадикально настроенные члены клеймили всех своих противников «правыми» за стремление к реставрации капитализма. При этом в лагере противников фактически оказались не только действительные сторонники смешанного пути развития, но и приверженцы советского социализма, методов планирования первой пятилетки.

После начала рыночной реформы в КНР (1979) в российской и зарубежной прессе можно было встретить ее сравнение с ленинской политикой НЭПа как с допущением капиталистических отношений при сохранении командных высот в руках партии и общей стратегической ориентации на построение в будущем социалистического общества. В самом Китае такого рода сравнения появились только в последние годы и без всяких посягательств на официальный лозунг «социализма с китайской спецификой».

Естественно, что такого рода сопоставление не может быть безусловным. В отличие от ленинской политики НЭПа эта переходная китайская модель действовала на протяжении более трех десятилетий и пережила эволюцию от осторожного совмещения плана и рынка к более всеобъемлющему рыночному регулированию. При этом понятно, что китайская практика оказалась не только значительно более долгой, но и более глубокой по сравнению с ленинским НЭПом. Теория социализма с китайской спецификой рассматривает капиталистические элементы не как временные составляющие экономической политики, в конечном счете, ей классово чуждые, а как полноценные «ингредиенты» строительства социализма [Титаренко, 2013].

Разработка этой темы требует серьезного политэкономического анализа с подключением теории «государственного капитализма». Как известно, государственный капитализм отличает широкое развитие рыночных отношений, из чего следует, что в экономике действуют законы капиталистической прибыли и свободного ценообразования. Вместе с тем государство остается важной частью системы экономического воспроизводства, оказывает влияние на инвестиционные процессы, устанавливает контроль над частными предприятиями. В руках государства остается значительная часть собственности на средства производства, мажоритарные и миноритарные пакеты акций частных предприятий. Характер «государственного капитализма» существенно меняется в зависимости от системной специфики. Свою классовую сущность

государство социалистической ориентации реализует путем соблюдения интересов широких народных масс, включая частный сектор, и построения вертикали власти на основе сращивания государственной бюрократии и делового сообщества.

В полном согласии с тем содержанием, которое вкладывал Ленин в «государственный капитализм» в условиях советской власти, китайскую политику «неоНЭПа» отличает признание важности рыночных отношений при двояком вмешательстве государства в экономику – как путем регулирования конкуренции частной и государственной собственности, так и с помощью установления государственного контроля непосредственно над товаропроизводителями. Укрепляя учет в экономике и допуская рыночное регулирование, государство социалистического типа наращивает экономический потенциал, но одновременно не упускает из вида социальные цели, включая налаживание правопорядка, сдерживание роста цен, проведение антимонопольной политики, повышение доходов населения, обеспечение национальной безопасности. Обращение к госкапитализму можно считать вынужденной мерой, используемой ради преодоления безработицы и бедности.

Вместе с тем в китайской реформистской атмосфере легко обнаружить не только необычные, но и самые стандартные черты капитализма. В центр устремлений были поставлены не удовлетворение потребностей как таковое, а прибыльность, что объясняет культ денег, рост имущественной дифференциации, сохранение эксплуатации в виде заниженной оплаты труда. Все эти отрицательные последствия преобразований вкуче с моральными издержками на определенном этапе ухудшения внешнеполитической обстановки и снижения темпов экономического роста (конец первого десятилетия XXI в.) поставили китайское руководство перед проблемой смены модели.

Показательно, что на Западе китайская реформа, проводившаяся на базе западных теорий и с массовым привлечением иностранного капитала, дала повод для заключений о произошедшей реставрации капитализма в его экономике и непременном распространении в скором будущем западной демократии. Как показали события последних лет, эти ожидания оказались напрасными. Многие действия китайского руководства во главе с Си Цзиньпином заставляют вспомнить такие слова В.И. Ленина: «Государственно-монополистический капитализм есть полная материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [Ленин, 1969, с. 193]. Назревшая смена предыдущей модели, или «реформа реформы», была предопределена не только новыми объективными обстоятельствами, но и принятыми ранее решениями [Xu Zhong, 2018].

«Реформирование реформы» и будущее социалистического строительства в КНР

В заключительном разделе «Резолюции», значительно превышающим по объему первую, собственно историческую часть, управленческий опыт КПК обобщен в виде десяти идеологем – основополагающих принципов, которые позволили добиться нынешних успехов и от которых нельзя отступать и в дальнейшем. Состав этих требо-

ваний, следующий: продолжать придерживаться общего руководства КПК, интересов народа, теоретических инноваций, национального суверенитета, китайского пути, интересов человечества, духа новаторства, готовности к борьбе, политики единого фронта и революционных самопреобразований.

Первое место, отведенное в этом перечне КПК, сопряжено с ее особой ролью политической силы наивысшего порядка, осуществляющей единое централизованное руководство. Ее предназначение служить источником стратегических смыслов, идеологической скрепой и главным контролером выполнения поставленных задач выводит этот государственный институт далеко за пределы обычного понятия политической партии, принятого в западной политологической науке. Жесткий отбор, строгая дисциплина и огромная ответственность придают КПК черты религиозного ордена. Любопытно также сопоставить положение КПК с идеей «малого народа», сформулированной французским историком Огюстеном Кашеном: «Так в большом обществе как бы само собою образуется другое – малое, но более активное и сплоченное, которому не составит труда управлять большим без его ведома» [Кошен, 2004, с. 244].

Постоянное обращение к авторитету Си Цзиньпина с соответствующим подчеркиванием его титула кормчего, или «ядра партии», внешне выглядит как возвращение к культу личности, подобного тому, что сопровождал прославление Мао Цзэдуна. Естественно предположить, что такая политика продиктована сложностью внутренней обстановки и задачей поддержания общественной стабильности. Глава государства и лидер партии в современном Китае – не высшее должностное лицо, а символ избранного пути развития, своего рода воплощение традиционной идеи священного Дао, гарант доверительной связи вождя с народом.

Разворачивающееся совершенствование политической системы происходит в рамках мировой технологической и управленческой революции, закрепляющей приоритет человеческого фактора над материальными и финансовыми ресурсами. Такое антропосоциальное управление исходит из первичности человека как главной производительной силы и важности внутреннего рынка. Лозунг «народ – хозяин страны» подчеркивает социально-гуманитарную сторону реформирования системы управления.

Экономические установки «социализма с китайской спецификой новой эпохи» повторяют устоявшийся идеологический постулат – «мощное государство и богатый народ». К 2035 г. намечается достижение более высокого уровня благосостояния населения, полное достижения общества «сяокан». На высокий уровень потребления населения предполагается выйти к столетней годовщине образования КНР.

Сохранение установок на углубление реформы и модернизацию, которые появились еще до прихода к власти Си Цзиньпина, свидетельствуют о преемственности предыдущего этапа с его приверженностью рыночным отношениям. Однако согласно теперешним прогнозам, рынок должен приобрести цивилизационные черты и соответствовать понятию «социалистического рынка», регулируемого государством.

Иначе говоря, китайский НЭП вместо своего сворачивания сможет получить продолжение в виде некоего рыночного социализма, хотя само это понятие в «Резолюции» не фигурирует. Рыночный социализм же предполагает соблюдение следующих условий:

- сохранение важной роли государства как собственника и регулятора хозяйственной деятельности;
- всеобщее распространение рыночных отношений;
- сосуществование разных видов доходов при преобладании оплаты по труду;
- наличие механизма согласования интересов рабочих и работодателей, в рамках которого предприниматели в своей деятельности учитывают государственные и общенародные потребности;
- противодействие имущественной дифференциации с помощью прогрессивного налогообложения и государственной системы соцобеспечения;
- продолжение экономического подъема и переход к новым технологическим укладам при постепенном повышении образовательного уровня населения и качества рабочей силы.

Просматриваемая китайская модель рыночного социализма близка к понятию конвергентного общества, гибрида капитализма и социализма. Западными теоретиками конвергенции в свое время был обоснован вывод о том, что «синтетическое» общество позаимствует от капитализма частную собственность на орудия и средства производства, конкуренцию, рыночную систему, а из социализма перейдут экономическое планирование, рабочий контроль над условиями труда, более справедливое распределение полученной прибыли [Buckingham, 1958].

Современные теоретики левого толка считают, что рыночный социализм возникает там и тогда, где и когда уже поставлен вопрос о ликвидации эксплуатации, но уровень развития производительных сил вынуждает использовать рыночные отношения для повышения эффективности производства. Критики догматического подхода обращают внимание на то, что получение прибыли не противоречит общественным идеалам и привязка социализма к административной форме отнюдь не обязательна. Особняком стоит вопрос, можно ли считать модель «рыночного социализма» в изначальном или модифицированном виде достаточно работоспособной и вполне самостоятельной или же такой «синтезный» подход типичен только для ситуации переходного периода.

По большому счету речь идет о построении теории посткапитализма и постиндустриализма как синтеза либеральной и социалистической тенденций, который не означает механического сочетания элементов разных социально-экономических и идеологических систем, а выступает в качестве принципиально нового набора ценностей. Только строгий закон и высокая мораль в состоянии обеспечить социальную справедливость, право каждого на благополучную и достойную жизнь с соответствующей общественной отдачей.

Именно такой широкий идеологический диапазон отличает в «Резолюции» трактовку понятия социалистической всеохватной демократии (демократии всего процесса). Высокое качество демократии включают в себя демократическое избрание, демократические консультации, демократическое принятие решений, демократическое управление и демократический контроль. В качестве примеров приобщения граждан к управленческой деятельности на всех уровнях традиционной политической иерархии в «Резолюции» приводятся факты внедрения самоуправления на низовом административном уровне, проведения прямых выборов руководителей местных органов

власти, расширения прав крестьян в области владения земельными участками и участия работников предприятий в акционерной собственности предприятий. Критикуется понимание демократии исключительно как процедуры выборов состава властных органов и сопутствующей выборным кампаниям жесткой политической конкуренции. Отталкиваясь от существовавшей в Китае многие столетия экзаменационной системы, подлинная демократия предстает в «Резолюции» в меритократическом образе экзаменационного «просеивания» членов партии, которые обязаны отвечать на текущие жизненные вопросы, а народ-экзаменатор уполномочен проверять правильность ответов.

Осознавая сложность и неотложность стратегических перемен, авторы «Резолюции» подчеркивают новаторскую роль китайской общественной науки и задачи китаизация марксизма. Широкое распространение рыночных отношений и частных предприятий в Китае, сосуществование разных видов доходов при наличии имущественной дифференциации подтвердили правоту марксистского учения о необходимости прохождения капиталистической стадии при построении социализма в условиях слабой развитости. Практические действия по методам рыночного регулирования роднят Китай с капитализмом, что провоцирует разговоры о его якобы капиталистическом перерождении. Однако сохранение отличий от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и важной регулирующей роли государства и компартии принципиально меняет сущность рыночных отношений.

Левый разворот в сторону социальных проблем и сферы социального обеспечения для всех граждан сейчас подтверждается размахом кампании борьбы с бедностью и выдвиганием задачи общего процветания (всеобщего обогащения) вместо дэновского лозунга «пусть одни обогащаются раньше других». Однако очевидно, что все эти вопросы требуют глубокой аналитической проработки совместно с китайскими и иностранными специалистами, основанной на реальных «полевых» данных, а не только теоретических установках. При неразработанности многих основных экономических понятий применительно к китайской обстановке (смешанная собственность, народные предприятия, приватизация и др.) и при недостатке надежных статистических данных трудно судить о выполнении такого главного принципа социализма, как господство общественной собственности на средства производства, о реальной доле государственного сектора, об эволюции многоукладности.

О планируемом будущем страны и одновременно об оценке прошлого, поданной в иносказательной форме, можно судить по следующей цитате из текста «Резолюции»: *«Если только мы не будем идти ни по старому пути с его замкнутостью и косностью, ни по ложному пути отказа от своих знамен, а будем неуклонно идти по пути социализма с китайской спецификой, то несомненно сможем превратить Китай в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу».*

Международная часть «Резолюции» в целом достаточно скупа. Китай давно отказался от попыток прямого экспорта своей системы в зарубежные страны, чем занимался Советский Союз. Несмотря на сохранение связей со многими зарубежными партиями марксистской ориентации, практическое взаимодействие в этом формате

минимально (за исключением находящихся у власти). Китай регулярно критикует западную модель государственного устройства, однако предложений перенять взамен нее общественно-политическую систему китайского социализма не делается даже наиболее дружественным государствам.

В то же время, по мере роста китайского присутствия за границей и учащения всевозможных деловых и гуманитарных контактов с зарубежными странами Китай столкнулся с необходимостью обозначить собственный взгляд на решение глобальных проблем. Были выдвинуты концепции Китая как ответственной мировой державы [Портяков, 2013] и человечества как сообщества единой судьбы, которые являются ключевыми в этом разделе «Резолюции». Китай выступает за продолжение взаимовыгодной экономической глобализации (внешнеэкономическая открытость и программа «Пояс и путь»), за развитие многополярного мира, против торговых войн и политики силы.

* * *

Анализ «Резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» свидетельствует, что, пройдя в другой последовательности этапы, схожие с этапами строительства социализма в СССР (НЭП, военный коммунизм, административно-плановая экономика), Китай сформировал новую стратегию развития с учетом зарубежного опыта и собственных цивилизационных ценностей. Современное коммунистическое руководство страны гордится полученными за 100 лет результатами, но одновременно и разочаровано в дисбалансах либерально-рыночного периода развития, начавшегося в конце 1970-х годов.

Текст «Резолюции» пронизан идеей национальной независимости и самостоятельности пройденного пути. Помимо официальных оценок событий прошлого, он содержит в себе идеологические постулаты и базовые установки, касающиеся направления общественного развития на средне- и долгосрочную перспективу. Согласно приведенным в тексте «Резолюции» словам Си Цзиньпина, *«великие социальные преобразования современного Китая – это вовсе не простое наследование китайской истории и культуры, не слепое следование модели, данной классиками марксизма, не повторение социалистической практики других стран мира, не копирование процесса модернизации за рубежом»*. Руководство КНР настроено развивать теоретические и управленческие инновации, вести страну новаторским путем.

Библиографический список

- Буров В.Г. Китаизированный марксизм – теоретическая основа деятельности компартии Китая // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 9–21.
- Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. Новые подходы Пекина к историографии КПК и КНР: «исправление имен» в эпоху Си Цзиньпина // Ориенталистика. 2022. № 5. С. 734–750.
- Кошен О. Малый народ и революция. М.: Айрис-Пресс, 2004.
- Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Политиздат, 1969.

Мао Цзэдун. О коалиционном правительстве // Избранные произведения. Т. 3. Пекин: Из-во лит-ры на иностр. языках. 1969 г.

Портяков В.Я. «Становление Китая как ответственной глобальной державы». М., ИДВ РАН, 2013. 240 с.

Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии (русский перевод). 16.11.2021. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (дата обращения: 05.11.2023)

Титаренко М.Л. О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 3–24.

References

Burov, V.G. (2019) Kitaizirovannyi marksizm – teoreticheskaya osnova deyatel'nosti kompartii Kitaya [Sinified Marxism as a theoretical basis of CPC activities]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], No. 12. Pp. 9–21. (In Russian).

Cochin, A. (2004). *Malyi narod i revolyutsiya* [The small nation and the revolution]. Moscow: Airis-Press. (In Russian).

Denisov, I., Zuenko I. (2022). *Novye podkhody Pekina k istoriografii KPK i KNR: «ispravlenie imen» v epokhu Xi Jinping'a* [New Approaches of Beijing to the Historiography of People's Republic of China and Communist Party of China: 'Rectification of Names' during Xi Jinping Era] *Orientalistica*, No. 5(4). Pp. 734–750. (In Russian).

Lenin, V.I. (1969). *Grozyashchaya katastrofa i kak s nei borot'sya* [The impending disaster and how to deal with it]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collected works], Vol. 34. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Мао Зедун (1969). О коалиционном правител'стве [On coalition government]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Vol. 3. Пекин: Из-во лит-ры на иностр. Языкках. (In Russian).

Portyakov, V. (2013) *Stanovlenie Kitaya kak otvetstvennoi global'noi derzhavy* [Rise of China as a global responsible superpower]. Moscow: IDV RAN. 240 p. (In Russian).

Rezolyutsiya TsK KPK ob osnovnykh dostizheniyakh i istoricheskom opyte stoletnei bor'by partii. [Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century], November 16, 2021. Xinhua. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (accessed: 05.11.2023). (In Russian).

Titarenko, M.L. (2013) О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) [On phenomenon of Chinese socialism (reflections on the discussion regarding the socialism in China and the outcomes of the 18th CPC Congress)], *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], No. 2. Pp. 3–24. (In Russian).

* * *

Buckingham Walter S. *Theoretical economic systems: A comparative analysis*. New York. 1958. 518 p.

Xu, Zhong 徐忠 (2018). *Gaige de gaige 改革的改革* [Reforming the reforms]. Beijing: CITIC Publishing. 460 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 02.11.2023. Received: 02 November 2023.

Принята к публикации: 01.12.2023. Accepted: 1 December 2023.